

2 страница

Класс (курс) обучения участника Конкурса:

10А класс

Тематическое направление:

Уничтожение мирного населения на оккупированной территории в результате карательных операций, на принудительных работах в изгнании, в местах массового лишения свободы и содержания граждан СССР

Жанр сочинения:

рассказ

Тема сочинения:

Музыка на балу смерти

Сочинение:

Я покорилась, когда поняла, что мои моральные принципы слезают вместе со мной в пепел крематория.

Хелен Шепс, скрипачка

Шестилетняя Кина, сидя на кровати, наблюдает в открытое окошко, как бабушка выпроваживает козу Дуську за ворота. Вдруг мама проводит парное

молоко в кувшин, и они все пойдут завтракать.

Мама обещала взять её сегодня с собой на работу. Она преподаватель в музыкальной школе по классу скрипки. Нина так давно мечтала об этом! То есть на работе у мамы она, конечно, бывала не раз, смотрела, как серьёзные учителя и учительницы водят смычком по струнам, увлекающая будоражащие сердце звуки. Но сегодня Нина сама станет маленькой учительницей. Ей позволят взять в руки этот волшебный инструмент. Она будет учиться музыке! О, она научится играть, как мама! Она станет играть даже лучше!

Нина обнимает плюшевую кошку и укрывается одеялом: из окна тянет утренней прохладой. Можно ещё несколько минут полежаться на мягкой постели и полетать... За окном яблоневый сад. Солнце, пробиваясь сквозь ветви, ласково падает Нину по щеке. Чайка ласточек щебечет на проводах... И среди этой прекрасной мелодии вдруг раздаётся голос:

— Aufstehen!¹

С этими словами миром разрушается сон, и вот уже Нине не 6 лет, а 16, и лежит она не на кровати, а на холодных нарах, без плюшевого кота и даже без одеяла.

Пальцы на руках и голых ногах закоченели и посинели, лопит затёкшую спину, но надо вставать.

Где она? В тюрьме? О нет, это хуже, тем тюрьма. Это адская фабрика на миллионы теловек, фабрика смерти. И шлагей — Освенцим.

Перед двенадцатью бараками уже стоят толпы худых, измождённых до состояния живых трупов людей. Нина не может смотреть на них. Она знает, что те с ненавистью глядят на неё, и сердце её разрывается от боли и желания хоть немного облить их утасать. Но Нина не может.

Вот один заключённый из соседнего барака малго оледает на землю. У него, видимо, уже не осталось сил даже на то, чтобы стонать. Тут же офицер в тёрлой оружке указывает на него и раздаётся сухая автоматная очередь. Тело быстро оттаскивают к стене, где уже свалены в кучу, как ненужный хлам, закоченелые трупы тех, кто не пережил очередную ночь. И вновь воцаряется мёртвая тишина, нарушаемая лишь стуком тяжёлых солдатских сапог.

Рядом с Ниной стоят всего двадцать теловек, все девушки или женщины. У каждой на лице застыла

маска безжизненности. Пустые, ничего не выражающие глаза смотрят в землю, худые руки судорожно сжимают грубую ткань лагерной руби.

Тот же самый офицер франкизма, режущим слух голосом объявляет о том, что ночью была совершена попытка побега заключёнными №5064 и №7668. Двое неудавшихся беглецов, покурив головы, стоят отдельно от строя. Офицер подходит к ним, не спеша вкладывает в перчатку железную пластину, надевает её и с размаху бьёт по шее одного, затем — второго. Брызжет кровь, несчастные падают на землю, но их подхватывают двое солдат и ставят на ноги. Лагерорюкер объявляет, что на расстрел вместе с виновными направят половину их барака.

Нина вздрагивает, когда распакивается дверь и из офицерского штаба выходит начальница женского блока Мария Мандель. Ни слова не сказав и даже не взглянув на них, она указывает рукой в сторону ворот. И девушки идут туда, провожаемые тысячами ненавидящих глаз, ждущих из потерявших владим. В полном молчании все занимают места на специальном помосте и берут в руки инструменты. Инструмента, которым в

очередной раз суждено стать услугой для ушей одних и орудием морального уничтожения для других.

Эти девушки и женщины — музыканты. Под дулом автомата их заставляют с раннего утра и до поздней ночи играть, дабы развлечь своих палачей. Участники оркестра не принуждают работать, не платят. Но для каждой из них уготовано другое испытание, вряд ли менее болезненное. Они каждый день вынуждены наблюдать поверх нотных партитур за тем, как под их музыку расстреливают, вешают, пытают и всячески мучают невинных людей лишь за то, что они не подходят под сумасшедшие каноны Гюрера. Музыка превращает кровавые события лагерной жизни в театрализованное представление. И у узников, и у самих музыкантов сонаты и мазурки Баха, Бетховена, Моцарта и любые другие композиции стали ассоциироваться с тем-то мучительным, бесчеловечным, изуверским. Музыка — самое возвышенное из всех искусств — превращалась здесь в изощрённую пытку.

Но они должны бесстрашно играть на этом балу смерти, чтобы жить.

Руководитель оркестра Альма Розе взмахивает дирижёрской палочкой, и воздух сотрясает торжественная

мелодия немецкого мимна. Офицер командует: „Vorwärts №133, Schritt vorwärts!“² Конвоиры отделиают от машущих вперёд беззащитных людей половину, выстраивают их вдоль стены в колонну лицом к остальным узникам. Звучит команда: „Feuer!“³ Автоматная очередь разрывает музыкальные аккорды. Труны валятся на землю, заливая её потоками крови.

„Так будет с каждым, кто осмелится пойти против великого Рейха!“ — говорит офицер, поднимая вверх палец в чёрной перчатке, а переводчик на ломаном русском повторяет эту фразу напыщенным тоном, пощипывая затвором автомата.

Вдали слышится гулкая судак паровоза, а через некоторое время рёв двигателя вошедшего под своды страшных ворот поезда заглушает музыку, но, побивнуясь повелительному взмаху рук дирижёра, оркестр выжимает из инструментов самые трагические и возвышенные звуки ещё одного ненавистного им мимна.

На широкую платформу из вагонов выходит огромная масса переугаранных людей. Они растерянно озираются, в едком гаду паровозного дыма, не разбитая впереди дороги и даже лиц тех, кто стоит с ними

рядом. В толпе слышатся приглушённые крики, призывания матерей и плач испуганных детей. Слышно трагичную музыку, многие охотательно теребятся и мхородожно мечутся, пытаются протиснуться среди валяющейся массы. Дым стелется по земле, заставляет глаза слезиться... Но вот он рассеивается, и перед прибывшими разворачивается страшная картина: сотни, тысячи невозобразимо толстых, похожих на живые скелеты людей, глядящих на них с тупым, безучастным, леденящим кровью равнодушием. В нос ударяет жуткий запах горелого мяса, запах смерти.

Возвезд с шипением и свистом отходит от платформы. Вдоль строя вновь прибывших проходит молодой красивый мужчина в белом халате и цепким взглядом окидывает стоящих. Это доктор Йозеф Менгеле. Вдруг он вскрикивает: „Zwillinge!“⁴ и выводит из строя двух девочек-близнецов в оборванной одежде. Мать, рыдая, веземась в их толстые рюкзачки, но садист ударил её прикладом, она упала. Довольно улыбаясь, Менгеле берёт ещё нескольких детей и взрослых и удаляется, ведя их за собой. Нена болезненно кривит губы, вида, как доктор протягивает каждому ребёнку по кокаре. Те, кого забирает „дядя Йозеф“ в свою чудовищную лаборато-

ршио, уже никогда не возвращаются.

Селекция проведена за считанные минуты. Всё предельно просто: слабых — уничтожить, сильные — поработают «zum Wohle des Reiches»⁴⁵. А оркестр всё играет... Обязаны играть. Ведь представители высшей расы человечества должны в полной мере удовлетворить своё чувство эстетики...

Воздаётся команда: «Nach rechts! Schritt marschieren!»⁴⁶ и вся громадная полосатая масса пленных отделяется от бараков и выходит за ворота под прицелом множества автоматов. Альма ведёт музыкантов следом, ни на секунду не прекращая дирижировать. Они играют бравоуриные немецкие марши. Нина отрешённо водит смычком по струнам, давню зная весь порядок мелодий наизусть. Заключённые маршируют наподобие роботов. Их души мертвы, музыка управляет ими, как ветер заставляет плясать упавшие листья, закручивает их вихрь. Мужительно осознавать свою причастность к этапу террору против ни в чём не повинных людей.

Когда узников приводят на строительство опередного шоссе, оркестр и тут продолжает играть. Репертуар сменяется на «Венгерские танцы» Брамса. Некоторых заставляют

Танцевать и маршировать на потеху орнцам. Кто отказывается или не может — ментовский расстрел. Овтарки рвут поводки из рук конвоиров и надривают лотки в яростном лае. Камни и мешки с песком своей непомерной тяжестью шут заклогённых к земле. Периодически разлетающаяся по округе злобная раскля выстрелов каждый раз заставляет сердце узника оборваться. Волей-неволей приходится направить все скудные силы, дабы и тебя не постигла та же участь.

А откуда брать сил изурённым, существующим впроголодь людям?! Ту вонючую жижу с плавающими очистками шилой картошки, которой заклогённых кормят каждое утро, организм не воспринимает в качестве пищи. А есть хочется до судора! Кора на придорожных деревьях излюдана...

Нелузы усаживаются обедать специально у пленных на виду. Многие узники останавливаются и смотрят с голодным онём вожделима в глазах на лалти хлеба с розовой ветчиной, истекающие в логаных ртах.

А орнцы логотут да забавляются: одному пулю в лоб, а второму кинут талый кусок жирной курицы, как собаке; тот его схватит на лету и, едва прожевав, пролотит.

Через минуту валится на землю и корчится от невыносимой боли в свернувшимся желудке, а потом долго и мучительно умирает в судорогах, если над ним не «сжалется» и не пристреляет. И всё это — под весёлый мотив «Эрки» или «Порчи». Особенный любитель таких «забав» — Лютер, начальник конвоя.

Нине тоже хочется есть, но она лишь тяжело шатывается сиюю и опускает глаза на скрипку. Пальцы рук заостенели и плохо слушаются. Девушка уже еле-еле водит смычком по струнам. От долгого стояния на месте ноги задеревенели, и приходится переступать с ноги на ногу, чтобы совсем не утратить чувствительность. Она мыслит себя мыслью о том, что после отбоя ляжет на нарк, свернётся калачиком и покреется от своего дыхания.

Наконец наступает вечер. Вдвое уменьшившийся строй заключённых в цветных сумерках бредёт «домой». Колонна темней в полосатых робах... Оркестранты идут следом, наигрывая тарактему, пытаясь управлять непослушными пальцами, чтобы попасть в такт. Трупы заключённых, для кого этот рабочий день стал последним, свалены штабелями, словно дрова, на повозках, табущихся вслед за оркестром. Вместо лошадей те же узники

вынуждены тащить своих мёртвых товарищей. Голодные, измождённые непосильными трудами люди едва переступают пошатнувшимися от холода ногами.

Одной из последних в этой толпе идёт мать Ивона, виолончелистка из их оркестра. Уже несколько дней, как она стала совсем плаха, ослабла. Дочь, тревожась о ней, постоянно ищет возможность тайком передать ей кусочек хлеба из своего пайка или комок недоваренной каши, если удастся незаметно прожестки, захав в кулаке. Видно, что теперь женщина передвигается с большими трудом, спотыкаясь и пошатываясь.

Красн глаза Нина видит, что Ивона не сводит с матери напряжённый взгляд. Вдруг, держась иссохшей рукой за чужд, женщина оседает на землю, валиясь в жухлую редкую траву лицом. Конвоир молча, будничным жестом передёрживает затвор автомата и даёт короткую очередь... Голо виолончелистки захлёбывается. Вальс обрывается, но лишь на секунду. Нина скрипка подхватывает партию виолончелистки. Нельзя прекращать музыку, иначе конвоир поймёт, что это не случайно, почувствует тонкую взаимосвязь между застреленной пленницей и молодой виолончелисткой,

которая откровенно опустошила инструмент. Неллеу поднимает почти невесомое тело убитой или жемицины и легко забрасывает на одну из проходящих повозок. Увона кусает губы, чтобы рыдания не вырвались наружу. За слёзы — смерть! А в лагере у неё малолетняя дочь Вальдава. Ради неё Увона должна быть сильной. И вот плач чобая вновь вливается в весёлый ритм мелодии...

„Arbeit macht frei“. Труд освобождает. Этот циничный лозунг над воротами лагеря встрезгает их каждый день. Но ему никто не верит. Нина тоже не верит. Она знает, что покой настанет лишь после смерти. Группа „освобождённых“ сегодня подвозят к дверям крематория.

По прибытии в лагерь музыканты занимают свои места на палубе и начинают играть джазовые композиции. А у эззовцев по программе „вечерняя проформактика“, как между собой её называют заключённые. Сам Рудольф Хёсс, командант лагеря, идёт вдоль ряда пленных, выбирая тех, кому будет уготована мучительная смерть от изощрённых пыток. Спустя какое-то время перед строем стоят несколько перекужаных теловех в полосатых рубашках, знающих, что их

хдѣт. Хѣс велит им раздеться, затем отходит в сторону и отдаѣт краткий приказ. В тот же миг надзиратели спускают собак, и отменно выдрессированные животные бросаются на приговорѣнных, валят их наземь, яростно терзая живые тела побуревшими от крови клыками. Командант довольно скалится: „bit, gut...“⁷ и пританцовывает в такт музыке.

Нина с силой зажмуривает глаза. Не словариваясь, музыканты начинают играть громче, дабы заглушить треск разрываемой плоти и крики человеческого боли. Свист и улюлюканье эсэсовцев перекрывают звуки джаза... Несколько пламенно Нина любила скрипку в детстве, настолько зрелого она ненавидит её сейчас! Ненавидит за то, что она доставляет наслаждение этим немцам, называющим себя привилегированной расой, в которых не осталось ничего человеческого, чтобы шлековаться просто людьми. Нина ненавидит себя, ненавидит весь оркестр. Еѣ хочется умереть прямо сейчас. Как было бы хорошо оказаться в числе расстрелянных сегодня утром — тогда не пришлось бы стать свидетелем этого кошмара...

После страшной экзекуции на земле остаѣтся

ужасное месиво из истерзанных тел, крови и вывернутых костей. Убирать всё это приходится заключённым. Один из них не выдерживает жуткого зрелища и скрючивается в пустых рвотных позывах, падая на колени. К нему подходит надзирательница Црла Преде — красивая светловолосая немка с красной повязкой на рукаве. Некоторое время она с нескрываемым презрением смотрит на несчастного, а потом с откровенно злой улыбкой заносит ногу в тяжёлом сапоге и бьёт в сложенное над землёй лицо так, что страдальец со всего маху падает на спину, захлебываясь собственной кровью из разбитого в кашу лица. Соседки аплодируют и кричат: „Gut gemacht, Irma!“¹⁴⁸

Вперёд, назад, вперёд, назад... Валыки управляют слишком автоматизически. Слева от Нины стоит белая как мел Ивана. По щекам подружки катятся слёзы. Губы дрожат, из-за этого звук её языка чуть дребезжит. Слава Богу, никому из немцев до этого сайта нет дела.

Наконец, Альма опускает палочку, и оркестр замолкает. Натальиша женского блока указывает девушкам на вход в офицерский корпус. Они встают со своих мест и направляются туда, откуда доносится

речей пьяных солдат. Немцы уважают умение владеть музыкальными инструментами и поэтому к оркестранткам более благосклонны. Сегодня их, как обычно, хвалят за доставленное развлечение, но сейчас это неважно. Никто из оркестранток с утра ничего не ел, поэтому они малга кивают и проходят в угол, где для них накрыт стол. Кашица (правда, постная, без соли, сахара и масла) и хлеб! Офицеры расщедрились и даже налили им в стакан шнапсу, чтобы согрелись. Нина оставила свой глоток Ивоне. Ей сегодня нужнее.

Они быстро едят. Через минуту в тарелках ничего не остаётся, а на скатерти нельзя найти даже самой маленькой хлебной крошки. Девушки произносят привычное "даике"⁹ и торопливо уходят в свой барак.

Нина облепённо вздыхает, укладываясь на нары, и подталкивает колени к подбородку, грея натруженные пальцы дыханиями. Её подружки по неостатку не переловариваются между собой: на это нет сил. Некоторые из них уже спят свинцовыми трудовыми снами, поджав под себя голые ноги. Нина следует их примеру. Через щели в стенах барака свистит ветер и вновь тянет удручивши

запахам дна. Крепаторши не прекращают свою страшную работу даже ночью.

Нина затккает щель в стене перед собой за-
претившей саюмой из порока. Спустя минуту девушка
засыпает, едва подумав о завтрашнем дне. Может быть,
завтра их всех освободит далежданная Красная Армия.
Может быть, Нину завтра расстреляют. А может быть,
Нина завтра не проснётся. Засыпая, она надеется, что
и сегодня во сне хоть ненадолго увидит свой дом, ба-
бушку, маму. Надеется, что они живы. И Нина тоже должна
выжить ради них.

Ей остаётся только надеяться...

1 - "Подъём!"

2 - "Барак № 133, шаг вперёд!"

3 - "Огонь!"

4 - "Близнецы!"

5 - "на благо Рейха"

6 - "Направо! Шагом марш!"

7 - "Хорошо, хорошо..."

8 - "Отлично сделано, Урша!"

9 - "danke" - "спасибо"